

УДК 94(47)

В статье на основе источников личного происхождения изучается женское восприятие и отражение событий Отечественной войны 1812 г.: захват и пожар Москвы, образ врага, подъем патриотических и религиозных чувств.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г.; источники личного происхождения; патриотические настроения; пожар Москвы.

In article on the basis of original personal resources is studied female perception and reflection of the events of the Patriotic War of 1812: the capture and fire of Moscow, the image of the enemy, the rise of patriotic and religious feelings.

Key words: Patriotic War of 1812; original personal resources; patriotic tendencies; fire of Moscow.

А. В. Борисова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: Avb_hist@mail.ru

Отечественная война 1812 г.: женский взгляд

Научная статья

A. V. Borisova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: Avb_hist@mail.ru

Patriotic War of 1812: a Female Look

Scientific article

События Отечественной войны 1812 г. стали особой страницей в истории России. Многочисленные военные кампании прежних лет не вызвали столь глубокого отклика в общественном сознании. Вступление армии Наполеона в пределы России вызвало патриотический подъем во всех слоях населения. Важным явлением стал и рост самосознания, осмысления и переоценки своего места в жизни, отношения к судьбе Отечества. Данные процессы охватили не только мужскую часть населения. В среде женщин также имели место попытки анализа ситуации в стране и обществе.

Источники личного происхождения, посвященные Отечественной войне 1812 г., обширны. Исследователи предлагают различные их классификации: по социальной принадлежности авторов, по их возрасту, времени создания. В данной статье предполагается рассмотреть материалы, посвященные Отечественной войне 1812 г., авторами которых являются женщины разного возраста и происхождения. В их числе представительницы императорской семьи: императрица Елизавета Алексеевна и великая княгиня Екате-

рина Павловна. Н. И. Греч писал в своих воспоминаниях: «... из особ женского пола царской фамилии ... две женщины были на высоте своего звания: императрица Елизавета Алексеевна и вел. кн. Екатерина Павловна» [1, с. 453].

Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I, урожденная принцесса Баденская, в 1812 г. написала ряд писем из Петербурга своей матери – маркграфине Амалии. Великая княгиня Екатерина Павловна, супруга принца Ольденбургского, в период Отечественной войны 1812 г. была очень деятельна. Ее муж был назначен Тверским, Новгородским и Ярославским генерал-губернатором, семья проживала в Твери и Ярославле, откуда Екатерина Павловна писала многим адресатам, прежде всего брату, императору Александру I, сановникам, Н. М. Карамзину.

Не меньший интерес представляют письма к петербургской родственнице и подруге Варваре Александровне Ланской московской великосветской дамы, выпускницы Смольного института Марии Александровны Волковой. Они послужили источником для написания романа Л. Н. Толстого «Война и мир».

В кругу авторов, писавших о событиях 1812 г., Надежда Андреевна Дурова. В ходе войны она командовала полуэскадром, участвовала в сражениях. В «Современнике» (1836, № 2) были напечатаны её мемуары. В 1840 г. вышло собрание сочинений писательницы. А. С. Пушкин, публикуя отрывок из ее записок, писал в предисловии: «Какие причины заставили молодую девушку, хорошей дворянской фамилии, оставить отеческий дом, отречься от своего пола, принять на себя труды и обязанности, которые пугают и мужчин, и явиться на поле сражений — и каких еще? Наполеоновских! Что побудило ее? Тайные, семейные огорчения? Воспаленное воображение? Врожденная неукротимая склонность? Любовь?..» [2, с. 271]. Истинную причину бегства из «женского мира» раскрывает сама Надежда Андреевна: «Теперь каждый день, каждый час я живу и чувствую, что живу; о, в тысячу, в тысячу раз превосходнее теперешний род жизни!.. Балы, танцы, волокитства, музыка ... о боже! Какие пошлости, какие скучные занятия!..» [3, с. 662].

Другая группа авторов – крестьянки, которые составили свои рассказы о войне 1812 г. спустя многие годы. Они ставили перед собой иные задачи, но главной для всех оставалась тема патриотизма. Вступление армии Наполеона в Россию вызвало подъем национального духа. Свидетельством тому стали формирование ополчения, сбор средств на нужды армии, участие в партизанском движении.

Императрица Елизавета Алексеевна, натура деликатная, мягкая, чуждая публичности и резкости, болезненно воспринимала известия о значительном числе раненых и страждущих. Свое участие в деле помощи Отечеству она выразила в создании Благотворительного общества. При ее содействии 12 ноября 1812 г. возникло Императорское женское патриотическое общество. Изначально оно насчитывало 74 члена. Цели общества были направлены на помощь всем категориям нуждающихся: раздавать пособия, размещать больных и увечных в казенные и частные больницы, ходатайствовать о помещении детей бедных родителей на казенное содержание в училища или для обучения ремеслам, призывать сирот, для чего было учреждено особое училище сирот и учреждение для воспитания дочерей штаб- и обер-офицеров, павших на поле брани или лишившихся достояния, – патриотический институт.

Деятельная, целеустремленная, обладавшая, по мнению современников, мужским характером, великая княгиня Екатерина Павловна разработала проект создания народного ополчения для помощи армии. В Памятной записке адъютанту Принца Ольденбургского кн. В. П. Оболенскому она писала: «Не найдется русского, которому было бы не стыдно не принести все свое усердие и всего себя в жертву Отечеству... Я не останусь позади в случае необходимости доказать на деле мою признательность Отечеству» [4, с. 23]. Екатерина Павловна отмечала, что каждой губернии содержание 1 тыс. чел. ополченцев будет стоить 200 тыс. руб., «кроме ружей и пороха, которые ни за какие деньги купить нельзя» [4, с. 23]. 30 июня от нее поступил рескрипт на имя министра уделов гр. Гурьева, содержащий инструкции по комплектованию ополчения. Она писала: «Сбор должен быть произведен на следующих основаниях: со всех имений моих взять из 100 душ одну; предпочтительно тех, кто по усердию к вере и отечеству добровольно пожелают...; за всех сих воинов во все продолжение их жизни платеж государственных денег и оброчных приму на себя; провиант и продовольствие в пути до Твери получат от Моего иждивения».

В батальон поступили 712 ратников, из которых 234 оказались добровольцами, а остальные были определены по рекрутской очереди [5, с. 50–51]. Спустя несколько дней – 13 июля 1812 г. – на страницах газеты «Северная почта» было опубликовано письмо Екатерины Павловны министру уделов Д. А. Гурьеву, где излагался план формирования народного ополчения из своих средств: «В то время когда любовь к Отечеству и преданность Государю, одушевляя всех Россиян, делают их готовыми к величайшим пожертвованиям жизни и имуществом; в то время как соединение постоянных и великих усилий потребно на отражение врагов и охранение общей безопасности, Я не могла воспротивиться влечению Моего Сердца, чтоб принять некоторое деятельное участие в способах ко умножению военных наших ополчений» [6]. С согласия императора был сформирован Егерский Великой княгини Екатерины Павловны батальон.

Более скромный, но не менее важный вклад в дело внесла М. А. Волкова. Она писала, что «у Татищева недоставало корпии (растербленная ветошь для перевязки ран), и он просил всех своих

знакомых изготовить ему корпию. Меня первую засадили за работу, так как я ближайшая его родственница, и я работаю целые дни» [7, с. 126]. Александр Иванович Татищев был назначен генерал-кригс-комиссаром еще в 1808 г. В его обязанности входило снабжение личного состава вещевым и денежным довольствием. В период испытаний, когда вдруг изменилась казавшаяся привычной жизнь, М. А. Волкова глубоко осознала любовь к Отечеству. Эмоции, которые никогда могли бы не проявиться, стали очевидными: «О! как дорога и священна родная земля! Как глубока и сильна наша привязанность к ней! Как может человек за горсть золота продать благосостояние Отечества, могилы предков, кровь братьев — словом, все, что так дорого каждому существу, одаренному душой и разумом» [7, с. 132].

Находившаяся в действующей армии Н. А. Дурова отразила взрыв патриотических настроений следующим образом: «Близ Смоленска объявили нам Государев манифест, в котором было сказано, что «государь не удерживает более нашего мужества и дает свободу отметить неприятелю за скуку противу вольного отступления, до сего времени необходимого». Солдаты наши прыгали от радости, и взоры всех пылали мужеством и удовольствием. «Наконец! — говорили офицеры. — Теперь будет наша очередь догонять!» [3, с. 678].

Неотъемлемой составляющей патриотических чувств была вера. Все, без исключения, авторы уповали на Бога, видели Его промысел во всем происходящем. Елизавета Алексеевна и М. А. Волкова рассуждали о Высшей силе как движении истории, направляющей тысячи и миллионы людей. Императрица писала матери 15 октября, что по случаю взятия Полоцка был молебен: «Наконец-то Господь направляет нас ко благой цели и, надеюсь, не оставит теперь уже до самого конца, ибо бесчисленные жертвы послужили только добру» [8, с. 154].

Черпала силы и твердость духа в вере и М. А. Волкова: «Какое счастье не быть лишенной веры в Провидение: она не дает впасть в отчаяние, что непременно случилось бы, если бы полагались на силы и гений жалкого человечества. По моему мнению, теперь самая пора для покаяния, потому что лишь искренним раскаянием в грехах можем мы умиловить Бога» [7, с. 145].

Иное восприятие событий звучит в воспоминаниях беженцев. Жители населенных пунктов,

находившихся на пути французской армии, оказались в положении изгнанников, лишенных крова и доходов, привычной жизни. Состояние безысходности описано во всех источниках. Усиленное внимание к религиозной жизни, более активное и искреннее участие в церковных службах было способом найти опору в разрушающемся мире. Смоленская мещанка А. Калюкова покидала город будучи тогда ребенком, но ее воспоминания эмоциональны и красочны: «На подъезде к Покровской горе у Смоленска среди пушек и фур стоит икона Царицы Небесной, что наши увезли накануне Преображения, когда Наполеон брал город. Отец и мать так и упали перед ней на колени: Вернулась Ты к нам, Заступница, не оставила нас!» [9, с. 43].

Похожие чувства испытала в Москве, которую покидали жители, французская актриса, католичка г-жа Фюзий: «Огромная толпа, впереди которой шли облаченные в ризы священники с иконами; мужчины, женщины, дети, все плачущие и поющие священные гимны. Это зрелище населения, бросающего свой город и уносящего свои святыни, было душераздирающим. Я упала на колени и стала плакать и молиться, как они...» [10, с. 56].

Воспоминания представительниц крестьянства скупы на эмоции. В них отсутствуют политические и философские рассуждения. Они ощущали ситуацию иначе: питались именем Божиим, видели Провидение в поступках отдельных людей, считая, что расплата за грехи наступает неотвратимо. Так, очень выразительно рассказала о происшествии в своем селе А. Игнатьева: «Раз пришли к нам шестеро французов: худые, оборванные, ходят по избам, шарят, а взять нечего. Вдруг прискакали два казака «Бейте их!» Был у нас мужик, тоже крещеный, а жалости не знал. Схватил он дубину и бросился на французов. Пятерых тут же положили. ... А мужик-то, что бил у нас французов на селе, и года после того не прожил: его Господь наказал» [11, с. 50].

В источниках часты упоминания о повседневной жизни, случаях мародерства, как со стороны армии Наполеона, так и со стороны местного населения. Так, дворовая Г. Рожнова вспоминала, «какой еще Господь попустил грех!»: один крестьянин экономического села Вотоліно ездил на Бородинское поле «пожиться». Там он «набрал ружей, бомб, чтоб порох из них вытрясти».

Стал потом в доме показывать, «собрались все в его избу смотреть, какие он сокровища привез». А бомба взорвалась, «сорок дворов сгорели, многие были ранены, а от Ефима и косточек не подобрали» [12, с. 106].

Известен рассказ и о другом случае с корыстолюбцами. Французский офицер принес шкапулку с драгоценностями в виде откупа крестьянскому старосте. Тот подношение взял, а француза убил. Дочь его, Настасья, по словам рассказчицы, «чем пожалеть о них, она покорыстовалась на их добро, и наказал же ее Господь». Настасья шкапулку зарыла в лесу, да забыла где. Потом искала, пока умом не помутилась, и вскоре «Богу душу отдала» [11, с. 107].

В записках крестьянских женщин война отражена как период жизни, мало отличавшийся от обыденного существования. У них отсутствовал страх за свою жизнь (как Бог даст), за свое имущество (все ценное можно было унести в котомке). Они отмечали примеры человечности и жестокости со стороны как французов, так и русских. Во время войны чувства обострились, что бесстрастно фиксировали женщины. В отличие от писем образованных дам, в их рассказах «французы» выглядят обычными людьми, которые проявляют лучшие и худшие нравственные качества. Крестьянки отмечали, что французы грабили местных жителей. Встретив группу поселенцев, они могли снять нательные кресты, сережки. Одновременно солдаты неприятеля могли накормить детей из тех же разоренных деревень: принести кашу и хлеб.

Случаи жестокого обращения неприятельской армии с местным населением фиксировались современниками многократно. Особой опасности подвергались женщины. Как складывались обстоятельства, во многом зависело и от конкретных участников событий. Так, А. Игнатьева рассказывала о случае со своими односельчанами. Французы встретили группу бежавших из деревни крестьян, среди которых были девушки. Они придумали ловкость: повязали головы платками, взяли по грудному ребенку на руки. Французы никого не тронули.

Иная тональность в письмах великосветских дам. Они наполнены ретрансляцией образа врага, который настойчиво формировали церковь и правительство. Во многих источниках звучали слова восхищения русским народом, вставшим

на защиту Отечества. Современники сравнивали тот образ жизни, к которому они привыкли и считали единственно возможным, и народный быт. Иностранное влияние перестало восприниматься как благо: «Французам обязаны мы развратом; подражая им, мы приняли их пороки, заблуждения, в скверных книгах их почерпнули мы все дурное. Они отвергли веру в Бога, не признают власти, и мы, рабски подражая им, приняли их ужасные правила, чванясь нашим сходством с ними, а они и себя, и всех своих последователей влекут в бездну. Чем ближе я знаколюсь с нашим народом, тем более убеждаюсь, что не существует лучшего, и отдаю ему полную справедливость» [7, с. 254].

Разделяя патриотические чувства, императрица Елизавета Алексеевна внимательно наблюдала за происходящим и отмечала, что русские – «доблестная сия нация вполне выказывает себя самое таковой, какой люди понимающие знали ее уже давно, хотя и было принято считать ее варварской» [8, с. 148]. С восторгом писала она матери: «Сообщают о героизме и стойкости даже простых крестьян Безмерные жертвы русского народа, его верность при всех испытаниях и доблесть, даже среди крестьян, которые сами собираются в отряды без каких-либо приказов» [8, с. 150].

Особое место в рассуждениях дам занимала личность Наполеона. Императрица Елизавета Алексеевна и М. А. Волкова не встречались с представителями армии Наполеона, их суждения были основаны на рассказах знакомых или иных сведениях. Так, Волкова писала подруге: «Если желаешь составить себе понятие об образованнейшем народе, прими к сведению, что во всех домах, где жили французские генералы и высшие чины, спальни их служили также чуланам, конюшнями и даже кое-чем хуже ... если бы мы в действительности одержали хотя одну победу, тогда бы мы скоро отделились от жестокого врага человечества, от адского могущества чудовищ, наполняющих наше несчастное отечество. Наполеон, иначе сатана» [7, с. 127]. Разделяет ее мнение и императрица: «Ведь все-таки это тоже люди и наши братья, и ежели бы не влекло их за собою чудовище... Вероломный Наполеон употребит обыкновенные свои орудия – предательство и преступление» [8, с. 159].

Обстоятельную характеристику Наполеону и его армии дала Н. А. Дурова: «Вопреки бесчис-

ленным поклонникам Наполеона беру смелость думать, что для такого великого гения, каким его считают, он слишком уже уверен и в своем счастье и в своих способностях, слишком легковверен, неосторожен, малосведущ. Сквозь его императорскую мантию скоро заметят артиллерийского поручика, у которого от неслыханного счастья зашел ум за разум ... Французы — неприятель, достойный нас, благородный и мужественный; но злой рок в виде Наполеона ведет их в Россию; в ней положат они головы свои, в ней рассыплются кости их и истлеют тела» [3, с. 662].

Переломным этапом в отношении к событиям 1812 г. стала сдача Москвы — еще один широко распространенный в источниках сюжет. Независимо от информированности авторов, их понимание политических и военно-тактических задач, известие об оставлении столицы вызвало страх, отчаяние, сомнение в успехе русской армии. Коренные москвичи обнаружили в своих сердцах горячую любовь к родному дому и городу. Волкова писала: «... Как мы расставались с матушкой-Москвой. Дай Бог, чтобы никогда более не пришлось мне испытать что-либо подобное. Бывают до того горькие минуты, что о них тяжело вспоминать. Прощай, мой милый друг; в настоящее время я не желаю другого счастья, как только снова увидеть московские стены» [7, с. 325]. Даже те, кто мало пострадал от пожара древней столицы, были под сильным впечатлением от увиденного. Савойский посол Ж. де Местр писал, что, без сомнения, со времен пожара Рима при Нероне не было ничего подобного.

Императрица в период войны находилась в Петербурге, но живо реагировала на известия о положении дел в Москве: «...и орда варваров оказалась на руинах прекрасной столицы и вела себя так же, как и повсюду в других местах ... Великая Нация продолжает грабить, разорять и изничтожать ... Кремль взлетел на воздух и сгорел, за исключением соборов, кои, я бы сказала чудодейственно, остались целы» [8, с. 151]. Говорили также о полной деморализации германских войск, которые будто бы не уступают по жестокости французам. Характерно, что из числа выбранных нами авторов, только Елизавета Алексеевна разделяла армию Наполеона на германцев, поляков и представителей других наций, что во многом объясняется ее осведомленностью и озабоченностью положением ее родного

маркграфства. Там уже побывал Наполеон со своей армией, и она прекрасно знала из писем матери и других родственников о происходивших там событиях.

Страх пребывания на оккупированной территории познали и французы, проживавшие в Москве не в первом поколении. Так, Хорнер вспоминал, что «особенно ужасным был систематический характер, с которым грабежу предавались все части армии. В первый день это была императорская Старая гвардия; назавтра — Новая; на следующий день — корпус маршала Даву... алчность этих молодчиков можно было объяснить, лишь взглянув на их собственную нищету. Люди без башмаков, без панталон, в лохмотьях... Самое ужасное, что и офицеры ходили от дома к дому, чтобы грабить, как и их солдаты... [10, с. 90–91]. Французская актриса Луиза Фюзий отмечала, что «... скоро паника стала всеобщей, потому что пошли разговоры о том, чтобы похоронить себя под руинами города... собрав одежду, я сложила в дамскую сумочку драгоценности и деньги и стала спокойно ждать, как Бог решит нашу участь...» [10, с. 88].

Настроения в русской армии от взятия Москвы отразила Н. А. Дурова: «Оставление столицы привело нас в какое-то недоумение; солдаты как будто испуганы; иногда вырываются у них слова: лучше уж бы всем лечь мертвыми, чем отдавать Москву! Разумеется, они говорят это друг другу вполголоса, а в таком случае офицер не обязан этого слышать» [3, с. 663].

Особой заботой оставивших столицу дворян было сохранение порядка в загородных поместьях неподалеку от Москвы. Беспокойство приносили вести из отдаленных имений, которые оказались под оккупацией французов. Все они были разграблены или вовсе сожжены. Волкова с сочувствием писала о своих знакомых, пострадавших от войны: «... У Толстого... восемь человек детей, и вообрази, что из 6000 душ у него осталось всего триста душ в Рязанской губернии, так как его имения тоже в Белоруссии ... Меня тревожит участь прислуги, оставшейся в доме нашем в Москве ... Никто из нас не заботится о денежных потерях ... но мы не будем покойны, пока не узнаем, что люди наши, как в Москве, так и в Высоком, остались целы и невредимы ... Во всей Московской губернии вряд ли найдется два имения, уцелевшие подобно нашему» [7, с. 635].

Помещичьи имения, оказавшиеся на пути французской армии, оказались под угрозой разорения. Владельцы чаще всего закапывали свои ценности в землю, не имея времени и подвода для вывоза в безопасное место. Так описали происходящее крестьянки Игнатьева и Андреева: «Прикрыли ямы досками, а доски посыпали мусором да землей и приставили к ним сторожей ... Что в землю закопали, что в погреба унесли... стоят у нас на дворе сундуки да винные бочонки...» [11, с. 48, 51].

Пребывание французов в Москве завершилось отступлением по разоренным уездам. Бедственное состояние наполеоновских войск нашло отражение в мемуарах современников. Отмечалось, что самые многочисленные отряды пленных отправили в Нижний Новгород, где они умирали по сотне ежедневно; не имея теплой одежды, французские солдаты не смогли пережить зимние холода. Пленные, рассеянные по всей России, заносили заразу; крестьяне рассказывали, что по большой дороге во многих деревнях были дома, в которые никто не смел входить; находящиеся в них умирают или оживают, будучи оставлены на произвол судьбы. Бедственные обстоятельства, в которых оказалась французская армия, вызывали сострадание русского населения. В мемуарах отмечены многочисленные случаи помощи пленным: «Со двора потянулись телеги с ранеными. Где они проехали, остался кровавый след... Хозяйка наша скупа была, а тут уж ничего не пожалела; заплакала и крикнула: «Откупоривайте бочки! Разносите вино! Кто сколько хочет, пусть пьет на здоровье» [13, с. 51].

Императрицу восхитил случай, о котором она позже писала матери: Русский офицер спросил у крестьянина: «А есть ли у тебя французы?» Тот ответил, что нет. А на повторные вопросы признался: «Если бы один даже и был, ведь вы же не тронули бы его?» Войдя в хижину, офицер увидел француза среди русского семейства. «Он хворый и хилый, как тут не приютить его?» Вот истинное милосердие!» [8, с. 159].

В то же время ненависть к врагу воплощалась в организации отпора самими крестьянами. Н. Дурова писала, что на территориях, занятых французами, жители создавали вооруженные отряды и воевали с неприятелем. Если силы были неравными, использовали хитрость: принимали вражеских фуражиров и уничтожали во время

сна или поджигали дома, где квартировали войска. Мечь врагам принимала и крайние формы, демонстрируя жестокость и варварство русских крестьян.

Под угрозой вступления французов Москву покинули дворяне и дворовые, которые первыми вернулись домой, подготавливая приезд хозяев: «На Москву-то теперь взглянуть, так сердце замрет; ни одной улицы не признаешь, ни одного переулка ... Как мы въехали в Москву да увидели, в каком она разорении, так, кажется, от самой заставы и до своего двора плакали, глаз не осушая...» [14, с. 222]. Возвращение в сгоревшую столицу нашло отражение в письмах М. А. Волковой: «Канибалы подожгли мои комнаты и ушли, ничего не взяв ... наш дом вскоре сгорел со всем в нем заключавшимся (чему я очень рада, ибо, по-моему, лучше, что все наше добро сгорело, нежели сделалось бы добычею адских чудовищ) ... Не только город, но и окрестности усеяны трупами, заражающими воздух... тяжело дышать: колодцы, овраги и рвы вокруг Кремля — все наполнено мертвыми телами... За 25 верст слышно было зловоние» [7, с. 334].

Женский взгляд на события Отечественной войны 1812 г. оказался содержательным, эмоциональным, несмотря на то что, оберегая жен и матерей, их нередко держали в ситуации неведения. Отсутствие возможности непосредственно участвовать в событиях заставляло женщин наблюдать и сопереживать близким и Отечеству. Их рефлексия нашла отражение в рассмотренных изданиях.

Ссылки

1. Великий князь Н. М. Романов. Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I: в 3 т.: Репринт, 1908–1909. СПб.: Альфа-рет, 2012. Т. 2. 751 с.
2. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука, 1978. Т. 7. 456 с.
3. Дурова Н. А. Материалы к ее биографии / сообщ. Ф. Ф. Лашманов // Русская старина. 1890. Т. 67, № 9. С. 657–665.
4. Письма великой княгини Екатерины Павловны: Читано в заседании Тверской ученой архивной комиссии 13 апреля 1888 г. членом комиссии Е. А. Пушкиным. Тверь: Тип. Губернского правления, 1888. 74 с.
5. Гулевич С. А. Участие императорской фамилии в формировании государственных ополчений:

С рис. знамени / С. А. Гулевич. СПб.: Экон. типо-лит., 1910. 68 с.

6. Северная почта. 1812. № 56, суббота, 13 июля. URL: <http://kdkv.narod.ru/index.html>

7. Письма 1812 года М. А. Волковой к В. А. Ланской. Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма / сост. М. Вострышев. М.: Современник, 1990. 719 с.

8. Елизавета и Александр: Хроника по письмам императрицы Елизаветы Алексеевны, 1792–1826 / сост., пер. с фр. яз. и коммент. Д. В. Соловьева и С. Н. Искюля. М.: РОССПЭН, 2013. 407 с.

9. Рассказ смоленской мещанки А. А. Калюковой // Отечественная война 1812 года глазами современников / составление, подготовка текста и примечания Г. Г. Мартынова. М.: Ломоносовъ, 2012. С. 41–44.

10. Аскиноф С. Московские французы в 1812 году. От московского пожара до Березины / пер. с фр. А. Е. Климанова. М.: Кучково поле, 2012. 192 с.

11. Рассказ крестьянки А. Игнатъевой, села Вольши // Отечественная война 1812 года глазами современников / составление, подготовка текста и примечания Г. Г. Мартынова. М.: Ломоносовъ, 2012. С. 48–50.

12. Рожнова Г. К. Рассказ о Двенадцатом годе бывшей дворовой, живущей в Покровской богадельне // Отечественная война 1812 года глазами современников / составление, подготовка текста и примечания Г. Г. Мартынова. М.: Ломоносовъ, 2012. С. 100–109.

13. Рассказ Т. Андреевой, бывшей крепостной // Отечественная война 1812 года глазами современников / составление, подготовка текста и примечания Г. Г. Мартынова. М.: Ломоносовъ, 2012. С. 50–53.

14. Кромановская А. И. Рассказ бывшей крепостной М. Я. Кротковой // Отечественная война 1812 года глазами современников / составление, подготовка текста и примечания Г. Г. Мартынова. М.: Ломоносовъ, 2012. С. 217–222.